
СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В МИРЕ

В. Л. Иноземцев

В своей статье автор, известный российский специалист по международной экономике, исследует истоки и перспективы развития «теории глобализации», приходя к выводу, что к началу нового столетия в западной науке сложилось отношение к глобализации как к совокупности ряда экономических, социальных и политических процессов, не требующих описания в рамках некоей единой теории. Широкое распространение понятия в теоретической литературе объясняется автором в первую очередь тем, что оно не указывает на активного субъекта данного процесса; это позволяет уходить от вопроса об ответственности отдельных социальных акторов за те или иные последствия глобализации. Автор указывает на отличия глобализации от «интернационализации» и «интеграции», подчеркивая, что ее сутью является формирование системы, позволяющей человеку или компании взаимодействовать с другими людьми, корпорациями и социальными структурами, не прибегая к посреднической роли государств. Основной проблемой современного этапа глобализации в статье называется серьезное (и прогрессирующее) отставание «политической» глобализации от экономической, информационной и социальной.

Термин «глобализация» – один из наиболее часто употребляемых, и в то же время один из самых бессодержательных в лексиконе современной политологии. Если проследить его возникновение, следует признать, что он появился в первые послевоенные годы и «вырос» из глагола «глобализировать» (to globalize), наличие которого как самостоятельного понятия зафиксировано еще в 50-е гг.¹ Так, в 1944 г. два американских исследователя в специальной работе неоднократно использовали понятия «globalize» и «globalism»². В начале 70-х гг. европейские управленцы использовали для обозначения растущей взаимозависимости национальных экономик французское слово *mondialisation*, из обратного перевода которого на английский язык возникла «глобализация» в том смысле этого слова, в котором оно сейчас используется. Применявшийся до того эпизодически, данный термин впервые был поставлен в центр концептуального исследования в 1981 г. американским социологом Дж. Макклиным, призвавшим «понять исторический процесс нарастания *глобализации* (курсив мой. – В. И.) социальных отношений и дать ему объяснение»³. В 1983 г. Р. Робертсон впервые вынес термин *globality* в

---

¹ См.: Third New International Dictionary of the English Language. – N. Y.; London: Merriam-Webster, 1961. – P. 965.

² См.: Reiser, Oliver and Davies, Blodwen. Planetary Democracy: An Introduction to Scientific Humanism and Applied Semantics. – N. Y.: Creative Age Press, 1944. – P. 212, 219.

³ Подробнее о возникновении термина см.: Scholte, J. Beyond the Buzzword: Towards a Critical Theory of Globalization // Globalization: Theory and Practice / Ed. by E. Kofman and G. Youngs. – London: Continuum,

название одной из своих статей, в 1985 г. он же дал подробное толкование понятия globalization, а в 1992 г. изложил основы своей концепции в специальном исследовании⁴. К середине 90-х гг. концепция глобализации, в рамках которой этот процесс трактовался как один из важнейших в условиях современного мира, была распространена уже так широко, что М. Уотерс писал: «Подобно тому, как основным понятием 80-х гг. был постмодернизм, ключевой идеей 90-х гг. может стать глобализация, под которой мы понимаем *переход человечества в третье тысячелетие*» (курсив мой. – В. И.)⁵.

И вот на протяжении почти двух десятилетий термин «глобализация» используется для обозначения нарастающей взаимозависимости мира – экономической, социально-культурной и политической⁶. Характерно, что он считается настолько понятным, что большинство авторов не дают ему определения даже в работах, непосредственно посвященных теории глобализации⁷. Попытки разобраться в смысле данного термина начинаются только тогда, когда он противопоставляется прочим однокоренным словам – таким как, например, «глобализм (globalism)» или «глобальность (globality)». Классическим определением этих понятий я бы счел формулировку У. Бека, который понимает под первым «убеждение в том, что мировой рынок преодолевает или подавляет политические барьеры... или идеологию доминирования рыночных сил (неолиберализма)», а под второй – сам факт того, что «мы уже долгое время живем в условиях всемирного общества в том смысле, что “закрытость” отдельных пространств является иллюзией»⁸. В то же время этот подход – только лишь один из многих; так, например, С. Тэлботт в только что вышедшей книге утверждает, что термин «глобализм (globalism)» просто-напросто отражает тот «факт, что человечество тысячелетиями устанавливает связи [между своими отдельными частями], в том числе простирающиеся через моря и океаны»⁹. Подробно дискуссия о различении глобализации и глобализма излагается в

1996. – P. 44–45.

⁴ См.: Robertson, R. *Interpreting Globality* // Ed. by Robertson, R. *World Realities and International Studies*. – Glenside (Pa.): Pennsylvania Univ. Press, 1983; Robertson, R. *The Relativization of Societies: Modern Religion and Globalization* // Robbins, T., Shepherd, W. and McBride, J. *Cults, Culture, and the Law: Perspectives on New Religious Movements*. – Chicago: Scholars Press, 1985; Robertson, R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. – London; Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 1992.

⁵ Waters, M. *Globalization*. – London; N. Y.: Routledge, 1995. – P. 1.

⁶ Наиболее подробно этимология и происхождение термина рассмотрены в: Chanda, N. *Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers, and Warriors Shaped Globalization*. – New Haven (Ct.); London: Yale Univ. Press, 2007. – P. 245–254. (More detailed the etymology and origin of the term are considered in: Chanda, N. *Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers, and Warriors Shaped Globalization*. – New Haven (CT); London: Yale University Press, 2007. – Pp. 245–254).

⁷ См., например: Bauman, Z. *Globalization: The Human Consequences*. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1998 (рус. пер.: Бауман, З. *Глобализация: последствия для человека и общества*. – М.: Весь мир, 2004), или Held, D. and McGrew, A. (eds.) *Globalization Theory: Approaches and Controversies*. – Cambridge: Polity, 2007. (See, for example: Bauman, Z. *Globalization: The Human Consequences*. – N. Y.: Columbia University Press, 1998 (Russian translation: Bauman, Z. *Globalization: consequences for man and society*. – Moscow: Ves' mir, 2004), or Held, D. and McGrew, A. (eds.) *Globalization Theory: Approaches and Controversies*. – Cambridge: Polity, 2007).

⁸ Beck, U. *What Is Globalization?* – Cambridge: Polity, 2000. – P. 9–10 (я цитирую английское издание, так как перевод на русский язык [Бек, У. *Что такое глобализация?* – М.: Прогресс-Традиция, 2001] только запутывает проблему). (Beck, U. *What Is Globalization?* – Cambridge: Polity, 2000. – Pp. 9–10 (I am quoting the English edition as the Russian translation [Beck, U. *What is globalization?* – Moscow: Progress-Tradition, 2001] only obscures an issue).

⁹ Talbot, S. *The Great Experiment: The Story of Ancient Empires, Modern States, and the Quest for a Global Nation*. – N. Y.: Simon & Schuster, 2008. – P. 257.

известной книге Р. Кохейна и Дж. Ная-младшего¹⁰, где авторы приходят к выводу, что такое различие не имеет серьезной научной значимости, а споры вокруг него представляются сугубо схоластическими.

Я согласен с мыслью Д. Белла о том, что сейчас «мир оказался подверженным экономической глобализации, которая отличается от системы взаимосвязанных национальных экономик (курсив мой. – В. И.). Старая международная экономика представляла собой совокупность индустриальных, аграрных и добывающих обществ, которые покупали друг у друга и продавали друг другу те или иные продукты. Глобализация создает единые мировые рынки для отдельных типов товаров», провоцируя «дальнейшее становление единства и унификации, наиболее заметное ныне в хозяйственной сфере. Такой тип взаимодействия заменяет прежние экономические отношения между государствами»¹¹. Глобализация не является «совершенно особым, современным, и, по всей вероятности, высшим этапом интеграции»¹², как это считают некоторые российские специалисты. Суть процесса глобализации – в становлении такого социально-экономического пространства, которое позволит человеку взаимодействовать с другими людьми, корпорациями и социальными структурами, не прибегая к посреднической роли собственного государства. В этом отношении У. Бек прав, считая глобализацию предпосылкой становления того космополитического общества, которое он видит «светлым будущим» всего человечества¹³ – хотя нельзя не отдавать отчета в том, что и вплоть до нашего времени глобализация была и остается преимущественно экономическим, социальным и культурным, но не политическим феноменом.

Я специально озглавил эту статью «Современная глобализация и ее восприятие в мире», так как говорить о «теории глобализации», на мой взгляд, неправильно. Теории глобализации не существует – по крайней мере, за пределами России и других критически относящихся к «глобализации» стран. Сайт www.amazon.com, на котором представлено подавляющее число выходящих в мире книг, в ответ на запрос «theory of globalization» выдает в качестве наиболее точно подходящего результата книгу «Как футбол объясняет мир: неочевидная теория глобализации»¹⁴. Недавно вышедшая под редакцией Д. Хелда и Э. Макгрю книга «Globalization theory» лишь указывает на существование «современных теорий и нарративов глобализации, прикладных и нормативных»¹⁵, но не упоминает их авторов; сама же она представляет собой сборник статей ряда ученых по конкретным проблемам, порождаемым глобализацией. Место теории занимает масса от-

¹⁰ См.: Keohane, R. O., Nye, J. S., Jr. Power and Interdependence. – 3rd ed. – N. Y.: Addison-Wesley, 2000. – Ch. 10.

¹¹ Белл, Д., Иноземцев, В. Эпоха разобщенностей. Размышления о мире XXI в. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – С. 9, 213. (Bell, D., Inozemtsev, V. The era of disunity. Reflections on the world of the 21st century. – Moscow: Center of Post-industrial Society Research, 2007. – Pp. 9, 213).

¹² Делягин, М. Мировой кризис: общая теория глобализации. – 3-е изд. – М.: Инфра-М, 2003. – С. 51. (Delyagin, M. World crisis: general theory of globalization. – 3rd ed. – Moscow: Infra-M, 2003. – P. 51).

¹³ Подробнее о доктрине космополитического общества см.: Beck, U. Der kosmopolitische Blick, oder: Krieg ist Frieden. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2004 (рус. пер.: Бек, У. Космополитическое мировоззрение / пер. с нем. под ред. и со вступительной статьей В. Иноземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008). (In more detail about the doctrine of cosmopolitan society see Beck, U. Der kosmopolitische Blick, oder: Krieg ist Frieden. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2004 (Russian translation: Beck, U. Cosmopolitan worldview / transl. from German, ed. by V. Inozemtsev with introductory article. – Moscow: Center of Post-industrial Society Research, 2008)).

¹⁴ См.: Foer, F. How Soccer Explains the World: An [Unlikely] Theory of Globalization. – N. Y.: Harper & Collins, 2004 (запрос «theory of globalization» на сайте www.amazon.com [поисчен 10 марта 2008 г.]).

¹⁵ Held, D., McGrew, A. Introduction: Globalization at Risk // Globalization Theory: Approaches and Controversies / Ed. By D. Held and A. McGrew. – Cambridge: Polity. – 2007. – P. 1.

рывочных представлений о глобализации; из объекта исследования она становится целой научной областью, что подтверждается и недавним изданием тем же Р. Робертсоном и Я. Шольте 1800-страничной «Энциклопедии глобализации»¹⁶. А появление энциклопедий – верный признак того, что границы теории практически окончательно утрачены. Поэтому можно лишь присоединиться к мнению П. Тейлора, который уже в середине 90-х гг., сравнивая термин «глобализация» с появившимся в конце XVIII в. понятием «интернационализация», предполагал, что новый термин способен «повторить тот хаотичный путь и прийти к тому же бессодержательному финалу, что и его двухстолетний предок»¹⁷.

Можно ли дать процессу глобализации четкое определение? На наш взгляд, тот факт, что этого до сих пор не сделано, подчеркивает не столько сложность задачи, сколько то, что решение ее просто не представляется необходимым. В западной социологической теории определения исторически играли меньшую роль, чем в российском обществоведении, где многие известные ученые были десятилетиями озабочены придумыванием терминов и понятий (что в последнее время стало похоже на какую-то хроническую болезнь). Между тем сам по себе тот факт, что понятие «глобализация» не получило пока четкого определения, многое говорит о характере обозначаемого им процесса.

Есть ли у глобализации «двигатель»?

Одной из странных черт российской политологии последнего времени становится убежденность политологов в том, что самые значимые для современного мира события разворачиваются по определенному плану. Отразилась ли в их сознании та «вертикаль власти», что выстроена в стране в последние годы; расписались ли они в своей неспособности понять объективные процессы и их внутреннюю логику; стремятся ли выполнить чей-то политический заказ – я не собираюсь сейчас анализировать. Однако должен заметить, что понятие «глобализация» оказалось столь популярным отнюдь не только потому, что в конце XX в. процессы экономического и социального единения мира обрели невиданный масштаб, но и потому, что оно оптимальным образом снимало со всех субъектов этих процессов любую ответственность за их последствия.

Взглянем на заголовки книг наиболее известных авторов, чьи имена так или иначе ассоциируются с исследованиями глобализации (правда, о ней в разном контексте пишут почти все современные исследователи). Просмотрев каталог своей личной библиотеки, я могу констатировать, что данный термин обычно выносятся в название книг *в четырех случаях*. *Во-первых*, это книги, чьи авторы хотят познакомить читателя с историей понятия «глобализация» или же с той или иной степенью доходчивости сообщить ему, что это такое. Как правило, эти работы либо не приносят широкой известности¹⁸ либо пишутся теми, кто считается признанным специалистом в этой «сфере»¹⁹. *Во-вторых*, это книги (и к данной кате-

¹⁶ См.: Scholte, J. A., Robertson, R. (eds.) *Encyclopedia of Globalization*. – N. Y.; London: Routledge, 2006.

¹⁷ См.: Taylor, P. *Beyond Containers: Internationality, Interstateness, Interterritoriality in: Progress in Human Geography*, 1995. – Vol. 19. – No. 1. – P. 14.

¹⁸ К этой категории я бы отнес такие работы, как: Waters, M. *Globalization*. – London; N. Y.: Routledge, 1995 и Steger, M. *Globalization: A Very Short Introduction*. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2003. (I would refer the following works to this category: Waters, M. *Globalization*. – London; N. Y.: Routledge, 1995 и Steger, M. *Globalization: A Very Short Introduction*. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2003).

¹⁹ Среди них можно выделить, например, труды того же У. Бека (Beck, U. *What Is Globalization?* – Cambridge: Polity, 2000), Я. Шольте (Scholte, J. A. *Globalization. A Critical Introduction*. – Houndmills; N. Y.: Palgrave, 2000), или Л. Склэр (Sklair, L. *Globalization. Capitalism and Its Alternatives*. – 3rd ed. – N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2002). (Among them we can define, for example, works by U. Beck (Beck, U. *What Is*

гории относится подавляющее большинство исследований), в которых сама глобализация принимается за объективную данность, а предметом изучения выступает ее влияние на те или иные экономические или социальные процессы, а также отдельные регионы мира. Типичным названием подобных работ выступает «глобализация и ...»²⁰; список их практически бесконечен. В-третьих, появляется все больше исследований, авторы которых стремятся изучить историю самого процесса глобализации (и углубляются при этом в прошлое на многие века, если не на тысячи лет)²¹. И, наконец, в-четвертых: это книги, которые написаны как манифесты, с одной стороны, критиков глобализации и «глобоскептиков»²² и, с другой – ее защитников и «глобооптимистов»²³. Конкуренция на этом поле столь велика, что порой даже маститые исследователи не могут изыскать для отражения своих мыслей различные названия²⁴. Хочется обратить внимание на то, что практически невозможно найти названий, в которых глобализация рассматривалась бы как активный субъект происходящих ныне процессов; она как бы постоянно присутствует на заднем фоне, но никогда не выходит на передний план (разумеется, за исключением тех случаев, в которых выступает в качестве «обвиняемого»). Почему?

Ранее нам уже приходилось давать ответ на этот вопрос. Он определяется двумя причинами, которые можно проиллюстрировать, сравнивая историю понятия «глобализация» с судьбой другого относительно абстрактного термина, появившегося в одно с ним время – «постиндустриальное общество».

Globalization? – Cambridge: Polity, 2000), J. Scholte (Scholte, J. A. Globalization. A Critical Introduction. – Houndmills; N. Y.: Palgrave, 2000), or L. Sklair, (Sklair, L. Globalization. Capitalism and its Alternatives. – 3rd ed. – N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2002).

²⁰ См., например: Clark, I. Globalization and Fragmentation. International Relations in the 20th Century. – Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1997; Holton, R. Globalization and the Nation-State. Houndmills. – N. Y.: Macmillan, 1998; Lal, D. In Praise of Empires. Globalization and Order. – Houndmills; N. Y.: Palgrave, 2004; Nassar, J. R. Globalization and Terrorism. The Migration of Dreams and Nightmares. – Lanham (Md.), Boulder (Co.); N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2005; Schirm, S. Globalization and the New Regionalism. – Cambridge: Polity, 2002; Stalker, P. Workers Without Frontiers. The Impact of Globalization on International Migration. – Boulder (Co.); London: Lynne Rienner Publishers, 2000 и т. д.

²¹ См., например: O'Rourke, K. H., Williamson, J. G. Globalization and History. The Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy. – Cambridge (Ma.); London: MIT Press, 1999; Hopkins, A. G. (ed.) Globalization in World History. – London: Pimlico, 2002; Osterhammel, J., Petersson, N. Globalization: A Short History. – N. Y.; Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2003; Robertson, R. The Three Waves of Globalization. A History of a Developing Global Consciousness. – Nova Scotia; London; N. Y.: Fernwood Publishing & Zed Books, 2003 и т. д.

²² Самые аккуратные тексты из этого лагеря представлены такими работами, как: Rodrik, D. Has Globalization Gone Too Far? – Washington (D.C.): Institute for International Economics, 1997; Rugman, A. The End of Globalization. A New and Radical Analysis of Globalization and What it Means for Business. – N. Y.; London: Random House, 2000 и Shipman, A. The Globalization Myth. – Cambridge: Icon Books, 2002.

²³ Лидерами в этом лагере с позиций профессионала выступает Дж. Бхагвати (Bhagwati, J. In Defense of Globalization: How the New World Economy Is Helping Rich and Poor Alike. – Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2004 [рус. пер.: Бхагвати, Дж. В защиту глобализации, пер. с англ.; под ред. и со вступительной статьей В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2005]), а с позиций дилетанта – Т. Фридман (Friedman, T. The World Is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century. – N. Y.: Farrar, Straus & Giroux, 2006 [рус. пер.: Фридман, Т. Плоский мир: краткая история XXI в. – М.: Изд-во «АСТ», 2006]). (J. Bhagwati (Bhagwati, J. In Defense of Globalization: How the New World Economy Is Helping Rich and Poor Alike. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2004 acts as a leader of this movement from positions of the professional, and T. Friedman presents the amateur's positions (Friedman, T. The World Is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century. – N. Y.: Farrar, Straus & Giroux, 2006).

²⁴ Характерно, что с интервалом в четыре года появились одинаково озаглавленные работы С. Сассен (Sassen, S. Globalization and Its Discontents. – N. Y.: The New Press, 1998) и Дж. Стиглица (Stiglitz, J. Globalization and Its Discontents. – N. Y.; London: W. W. Norton & Co., 2002). (It is characteristic that equally entitled works by S. Sassen (Sassen, S. Globalization and Its Discontents. – N. Y.: The New Press, 1998) and J. Stiglitz (Stiglitz, J. Globalization and Its Discontents. – N. Y.; London: W. W. Norton & Co., 2002) appeared within an interval in four years).

В 60–70-е гг. десятки авторов пытались определить тот тип социального устройства, который постепенно приходил на смену традиционной модернити. Термин «постиндустриальное общество» обрел особую популярность по двум причинам. С одной стороны, он четко указывал на то, чем это новое общество *не является*. С другой – он *не определял* его базовых принципов и потому не подвергал сомнению основы существовавших в те годы социальных доктрин. С «глобализацией» произошло то же самое. Этот термин четко указывает на то, что мир уже *не является* фрагментированным, но при этом *ничего не говорит* о том, каким он стал. Именно поэтому широкое использование понятия «глобализация» было изначально предопределено. Оба понятия внутренне противоречивы. Строго говоря, никакое общество не может быть «индустриальным» или «постиндустриальным»; такие определения могут относиться исключительно к экономике²⁵. В той же мере бессмысленны формулировки типа «глобального мира»²⁶, так как «мир» – это само по себе всеобъемлющее понятие, и никаким иным, кроме глобального, он по определению быть не может.

Однако в одном аспекте понятие «глобализация» несомненно отличается от термина «постиндустриальное общество». Идеологи постиндустриализма указывали на возникшие в мире новые ресурсы и движущие силы – на появление информации как важнейшей экономической данности и класса носителей знаний как новой доминирующей в обществе силы. Идеологи глобализации практически сняли с повестки дня вопрос о том, какие новые возможности и движущие силы стоят за описываемым ими процессом. Теоретики постиндустриализма как бы *перекладывали* ответственность за судьбы *общества* с одного социального слоя на другой. Идеологи глобализации *освобождали* кого бы то ни было от ответственности за судьбы *мира*. Поэтому неудивительно, что этот термин впервые появился в годы наибольшей геополитической и геоэкономической неопределенности – на рубеже 70-х и 80-х гг., как неудивительно и то, что его распространение оказалось столь стремительным.

Неправильно говорить, что понятие «глобализация» пришло на смену термину «интернационализация». Несмотря на сходство их судеб, они отражают качественно разные явления. «Глобализация» вытеснила из оборота другие понятия, а именно: «европеизацию» и «вестернизацию», которые прежде воспринимались как характерные элементы эпохи модернити. Вестернизация исторически рассматривалась как процесс распространения на весь мир экономических практик и социальных порядков, сформировавшихся прежде всего в Европе. Это понятие в последней трети XX в. обрело полную определенность усилиями Ф. Дарлингта,

---

²⁵ См. подробнее: Иноземцев, В. Постиндустриальная экономика и «постиндустриальное общество»: терминологические и концептуальные проблемы // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3. – С. 140–152. (See in more detail: Inozentsev, V. Post-industrial economy and 'post-industrial society': terminological and conceptual problems // *Social Sciences and the Present*. – 2001. – No. 3. – Pp. 140–152).

²⁶ Между тем подобные названия книг – не редкость; см., например: Torres, C. *Democracy, Education, and Multiculturalism: Dilemmas of Citizenship in a Global World*. – Lanham (Md.); Boulder (Co.); N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 1999; Peacock, J. and Matthews, C. *The American South in a Global World*. – Chapel Hill (Nc.); London: Univ. of North Carolina Press, 2005; Bowe, H., Martin, K. *Communication Across Cultures: Mutual Understanding in a Global World*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007 и др. (Meanwhile similar titles of books is not uncommon; see, for example: Torres C. *Democracy, Education, and Multiculturalism: Dilemmas of Citizenship in a Global World*. – Lanham (MD); Boulder (CO); N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 1999; Peacock, J. and Matthews, C. *The American South in a Global World*. – Chapel Hill (NC); London: University of North Carolina Press, 2005; Bowe, H., Martin, K. *Communication across Cultures: Mutual Understanding in a Global World*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007 etc.)

Т. фон Лауэ и С. Латуша²⁷. Под европеизацией в прежние времена понималось расширение сферы действия европейского права, а также этот термин использовался для описания последствий миграции европейцев в те страны, где они затем становились этническим большинством (в последнее время, однако, понятие применяется прежде всего для обозначения расширения сферы применения подходов и принципов, принятых в Европейском Союзе²⁸). Между тем эти ушедшие в историю понятия гораздо точнее отражали происходившие в мире XX в. перемены и определенно указывали на их источник – Запад (а если быть более точным – Европу). Рассуждения же о глобализации, распространившиеся в последнее время, отражают радикальное изменение ситуации: сколько бы сегодня ни говорили о возрождении империй и их особой роли в формировании как прежнего, так и «нового» мирового порядка²⁹, глобализация становится синонимом неуправляемости планетарного масштаба.

И разве может быть иначе? Ведь под глобализацией, по сути, скрыт процесс замены прямого контроля над миром (не будем забывать: из 149 состоявших в 2000 г. в ООН неевропейских государств и территорий, не входивших ранее в состав СССР, 125 [!] хотя бы раз в своей истории управлялись европейцами) косвенным контролем, не предусматривающим ответственности. Лидер нового глобального порядка, Соединенные Штаты, радикально отличаются от лидера вестернизированного мира конца XIX в. – Великобритании. В 1896 г. доля экспорта в британском ВВП составляла 28 %, а импорта – всего 11 %; экспорт капитала из Англии накануне Первой мировой войны достигал 4,5–10 % ВВП ежегодно³⁰. Европа в целом оставалась нетто-экспортером населения, исторгнув из себя за первые три десятилетия XX в. более 30 млн человек (заметим, что британское правительство рассматривало переселение в колонии как «перераспределение населения в пределах нации»³¹). При этом в одной Индии в 1850–1913 гг. британцы увеличили площадь орошаемых земель в 8 раз и построили железных дорог больше, чем в самой Англии. Ничего подобного сегодня нет и в помине. В 2007 г. доля экспорта в ВВП США с трудом дотягивает до 12 %, а импорт достигает 17,4 %³². Вместо экс-

²⁷ См.: Darling, F. *The Westernization of Asia: A Comparative Political Analysis*. – New Brunswick (NJ): Transaction Publishers, 1980; Laue, T. H. von. *The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective*. – Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 1987 и Latouche, S. *L'occidentalisation du monde: Essai sur la signification, la portée et les limites de l'uniformisation planétaire*. – Paris: Editions La Découverte, 1994.

²⁸ См., например: Featherstone, K., Kazamias, G. *Europeanization and the Southern Periphery*. – London: Routledge, 2001; Graziano, P., Vink, M. (eds.) *Europeanization: New Research Agendas*. – Houndmills; N. Y.: Palgrave & Macmillan, 2006; Headley, John. *The Europeanization of the World: On the Origins of Human Rights and Democracy*, Princeton (NJ). – Oxford: Princeton Univ. Press, 2007 и др. (See, for example, already widely known book: Ferguson, N. *Empire. How Britain Made the Modern World*. – London: Allen Lane, 2003 and just expecting for recognition: Khanna, P. *The 'Second World': Empires and Influence in the New Global Order*. – London: Allen Lane, 2008).

²⁹ См., например, уже широко известную книгу: Ferguson, N. *Empire. How Britain Made the Modern World*. – London: Allen Lane, 2003 и еще только ожидающую признания: Khanna, P. *The «Second World»: Empires and Influence in the New Global Order*. – London: Allen Lane, 2008.

³⁰ См.: Findlay, R., O'Rourke, K. *Power and Plenty: Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. – Princeton (NJ); Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. – P. 408, 412.

³¹ Morris, J. *The Pax Britannica*. – Vol. II: *The Climax of the Empire*. – London: Faber & Faber, 1998. – P. 69.

³² Рассчитано по отчету о состоянии внешней торговли Минстата США от 11.03.2008 г. (<http://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/2008pr/01/ft900.pdf>) и Economic Report of the President. Transmitted to the Congress February 2008. – Washington (D.C.): United States Government Printing Office, 2008. (Calculated according to the report on the state of foreign trade of the USA Ministry of Statistics from 3/11/2008 (Accessed: <http://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/2008pr/01/ft900.pdf>) and Economic Report of the President. Transmitted to the Congress February 2008. – Washington (D.C.): United States Government Printing Office, 2008).

порта капитала Америка имеет дефицит платежного баланса, подбирающийся к 800 млрд долларов в год. 10 % населения «глобальной метрополии» – иммигранты в первом поколении, что вводит в истерику даже самых «глобализированных» американцев³³. Никакие прямые инвестиции в инфраструктурные проекты (кроме военных баз) в других странах мира Соединенные Штаты не производят. Да и военные операции не приносят им удач: на бесславно заканчивающейся иракской войне уже побывало 1,6 млн военнослужащих³⁴ – больше, чем Англия задействовала во всех своих войнах второй половины XIX в., но Ирак, долгое время бывший спокойной английской колонией, так и не стал американской вотчиной.

Глобализация отличается от вестернизации тем, что у нее нет центра, в котором принимаются решения. Мир сегодня зависит от Соединенных Штатов не как от глобальной управленческой штаб-квартиры, а как от воронки, образующийся вокруг которой водоворот заставляет ее вращаться. Глобализация не требует насилия, на которое порой опиралась вестернизация; она основана на привлекательности образов, которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции, неизвестные самим ее «архитекторам». Именно поэтому данный процесс не может описываться строгой теорией, а его обрывки достаются энциклопедиям и справочникам. Не случайно поэтому эпоху глобализации уже давно называют «периодом неопределенности»³⁵ и «обществом риска»³⁶. Эти эпитеты более точно и глубоко отражают суть нашего времени.

Насколько «глобальна» глобализация?

Этот вопрос является принципиальным для оценки как достижений глобализации, так и масштаба приносимых ею проблем. Современные историки – и об этом мы уже говорили – все активнее стремятся опровергнуть идею о том, что глобализация стала порождением последних десятилетий. Для этого у них, на наш взгляд, есть веские основания. Аргументация, построенная на оценке активного роста международной торговли, быстрого снижения таможенных пошлин и ценовых дифференциалов во второй половине XIX и начале XX вв. вполне позволяет говорить о том, что в истории глобализации было как минимум две «волны». Некоторые исследователи убеждены, что изначальный всплеск глобализации может быть отнесен даже к еще более раннему периоду, к XVI–XVII вв., и рассуждают о «трех волнах глобализации»³⁷. Наиболее адекватным мне представляется подход Р. Финдлея и К. О'Рурка, которые склонны рассматривать экономическую историю начиная с 70-х гг. XX столетия не как специфический этап глобализации, а как восстановление ею утраченных в первой половине века позиций, называя этот процесс «реглобализацией»³⁸. Это так, но «реглобализацию» нужно оценивать беспристрастно.

Разумеется, существуют сферы, в которых ее превосходство над предшествующими этапами развития не вызывает сомнений. Прежде всего это касается информационно-технологической областей, где создано глобальное информаци-

³³ См.: Huntington, S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. – N. Y.: Simon & Schuster, 2004. – P. 212–213, 218, 256.

³⁴ См.: Stiglitz, J., Bilmes, L. The Three Trillion Dollar War: The True Cost of the Iraq Conflict. – London: Allen Lane, 2008. – P. 77.

³⁵ См.: Elliott, L., Atkinson, D. The Age of Insecurity. – London; N. Y.: Verso, 1998.

³⁶ См.: Beck, U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986.

³⁷ См., например: Robertson, R. The Three Waves of Globalization. A History of a Developing Global Consciousness. – Nova Scotia; London; N. Y.: Fernwood Publishing & Zed Books, 2003. – P. xi–xiii, 7–11.

³⁸ См.: Findlay, R. and O'Rourke, K. Power and Plenty. – P. 473–526.

онное пространство, а технологические перемены практически одновременно происходят во всем мире благодаря интенсивной конкуренции. В то же время нельзя не заметить двух важных обстоятельств.

С одной стороны, хотя обороты международной торговли растут опережающими темпами по отношению к глобальному валовому продукту (опережая их в среднем вдвое), необходимо обращать внимание на направление товарных потоков. С 1950 по 1993 г. суммарный ВВП всех государств мира вырос с \$3,8 до \$18,9 трлн (или в 5 раз), а объем торговых оборотов – с \$0,3 до \$3,5 трлн (или в 11,7 раза)³⁹. В 1996–2006 гг. темп прироста объемов экспорта по всем странам мира составил 6,3 %, а темп прироста ВВП – около 3,5 %⁴⁰. Между тем, если в 1953 г. индустриально развитые страны направляли в страны, сходные с ними по уровню развития, 38 % своего экспорта, в 1963 г. эта цифра составляла 49 %, в 1973 г. – 54 %, а в 1990 г. – уже 76 %⁴¹. К началу XXI в. показатель стабилизировался на уровне 77–80 %. Во второй половине 90-х гг. развитые постиндустриальные державы импортировали из стран «третьего мира» (включая нефтедобывающие государства) товаров и услуг на общую сумму, не превышающую 1,2 % своего суммарного ВВП⁴². В последние годы эта цифра выросла до 3–3,5 %, но произошло это практически исключительно за счет роста цен на энергоресурсы и прочие сырьевые товары. То же самое можно наблюдать и на примере транснациональных инвестиционных потоков. В 1970–2000 гг. иностранные инвестиции в экономику США выросли в 18 раз, – однако компании семи стран (причем наиболее развитых) – Великобритании, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов – суммарно обеспечили 85 % всех инвестиций в США и выступили реципиентами для 60 % американских капиталовложений за рубежом⁴³. Если в 1970 г. в Европу направлялось не более трети всех американских инвестиций, то сегодня – почти 53 %⁴⁴. Единственным заметным глобализационным процессом, в котором развивающиеся страны представлены весьма заметно, остается миграция – но и она в наши дни не достигает тех масштабов, которые имели место в конце XIX в. Все это говорит о том, что глобализация (и тут ее критики во многом правы) в начале нового столетия «замыкается» в круге развитых стран, к которым присоединились несколько крупных азиатских государств, прежде всего Китай, в то время как значительная часть мира остается ею, по сути, не затронутой.

С другой стороны, следует заметить, что доля продаваемой за пределами развитых в промышленном отношении «укрупненных регионов» (Соединенных Штатов, Европейского Союза и Японии) продукции и услуг относительно невелика. Даже если мы возьмем самую, казалось бы, «глобализированную» отрасль – автомобилестроение – окажется, что лишь 17 % собранных в ЕС автомашин и всего 7,9 % сделанных в США продаются на экспорт. Общий объем экспорта товаров и

³⁹ См.: Korten, D. When Corporations Rule the World. – London: Earthscan, 1996. – P. 18.

⁴⁰ См.: World Trade Report 2007. – Geneva: World Trade Organization, 2007. – Ch. 1. – P. 2.

⁴¹ См.: Krugman, P. Peddling Prosperity. Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminished Expectations. – N. Y.; London: W. W. Norton & Co., 1994. – P. 231; Kenwood, A. G., Loughheed, A. L. The Growth of the International Economy 1820–2000. – 4th ed. – London; N. Y.: Routledge, 1999. – P. 288.

⁴² См.: Krugman, P. Does Third World Growth Hurt First World Prosperity? // The Evolving Global Economy: Making Sense of the New World Order / Ed. By K. Ohmae. – Boston: Harvard Business School Press, 1995. – P. 117.

⁴³ Рассчитано по: World Investment Report 2000: Cross-Boarder Mergers and Acquisitions and Development. – N. Y.; Geneva: UN Publications, 2000. – P. 31; Burtless, G., Lawrence, R., Litan, R., Shapiro, R. Globophobia. Confronting Fears about Open Trade. – Washington (D.C.): Brookings Institution, 1998. – P. 36, 39.

⁴⁴ См.: Hopkins, T.; Wallerstein, I. et al. The Age of Transition. Trajectory of the World-System 1945–2025. – London: Zed Books & Pluto Press, 1996. – P. 51.

услуг из всех стран мира (\$11,76 трлн в 2006 г.⁴⁵) составляет менее 19 % глобального валового продукта, а если исключить \$2,23 трлн, которые представляют транзакции внутри ЕС, то немногим более 15 %. Намного более заметной выглядит глобализация, например, финансовых услуг, но этими услугами пользуется небольшая часть населения планеты. Мировая экономика и в начале XXI в. остается в значительной мере локализованной.

В чем же наиболее полно проявляется глобализация? В соответствии с ранее предлагавшимися попытками ее определения, предположу: в том, что все большая часть производимых в отдельных странах продуктов и услуг создается на предприятиях или в компаниях, физически не принадлежащих резидентам соответствующих стран. Сегодня в США на предприятиях, контролируемых иностранными инвесторами, производится 16 % ВВП и занято почти 10,9 % активной рабочей силы; в ЕС эти показатели еще выше: 22,4 и 14,7 % (хотя тут, в условиях отсутствия границ и таможи и наличия единой валюты, само понятие «иностранной» быстро уходит в историю). Насколько должен этот факт волновать как приверженцев, так и оппонентов глобализации? На мой взгляд, *ни в малейшей мере*. В той же мере, в какой история XVIII–XIX вв. показала, что свобода человека – экономическая, политическая и социальная – оптимально обеспечивается в рамках национальных государств, в той же степени история XX столетия демонстрирует нам, что волюнтаризм национальных правительств – от гитлеровской Германии и сталинского СССР до унилатералистских США и репрессивных режимов в разных уголках мира – самый страшный источник зла в формирующемся глобальном миропорядке. Чем менее самостоятельными в своих решениях окажутся национальные правительства, тем адекватнее будут они вести себя по отношению как к другим странам, так и к собственным экономическим субъектам и гражданам. Ценность и значение современных глобализационных процессов заключена, на мой взгляд, в первую очередь в том, что они открывают перед людьми новые степени свободы в достижении своих целей и заставляют их правительства «сдавать новый экзамен» на зрелость. Критерием эффективности власти становится защита собственных граждан, а не достижение сомнительных «национальных интересов», как они определялись в эпоху геополитических доктрин XIX в.

Происходит ли политическая глобализация?

Однако оборотной стороной данного процесса выступает вопрос о том, происходит ли сегодня «политическая глобализация» и как могут сосуществовать в XXI столетии глобальная экономическая и социальная среда и ее национально-государственная форма. Однозначного ответа на этот вопрос нет; можно только констатировать, что в последние годы он обсуждается преимущественно в контексте двух важных международных проблем.

С одной стороны, это дискуссия вокруг природы и возможных путей развития самого крупного интеграционного эксперимента, проводимого в современном мире – формирования Европейского Союза. До сих пор не выработано единой позиции по вопросу о том, является ли ЕС формой «локальной» глобализации или же защитной реакцией на глобальные тенденции. Мало кто сомневается, что единая Европа, которая «во многих существенных пунктах выглядит развивающейся в направлении создания единой федерации»⁴⁶, «уже ныне является самой комплекс-

⁴⁵ См.: World Trade Report 2007. – P. 6.

⁴⁶ Burgess, M. Federalism and the European Union: Building of Europe, 1950–2000. – London; N. Y.: Routledge, 2000. – P. 263, 29.

ной политической системой [the most complex polity], какую когда-либо производило на свет человечество»⁴⁷. В этом контексте становление наднациональных политических структур, несомненно, расширяет влияние глобальных процессов на все происходящее в пределах европейского континента. Разумеется, снятие внутренних границ и барьеров в самой Европе не предполагает исчезновения внешних, и сложно отделаться от впечатления, что «остров Европа» замыкается в себе, пытаясь противопоставить стихийности глобализации осознанную поступательность интеграционных усилий.

Постепенно, однако, в западной политологии начинает доминировать оптимистичный (а иногда и гипероптимистичный) взгляд на европейские достижения. Можно с уверенностью утверждать, что убогие рассуждения о никчемности европейцев à la Кейган⁴⁸ ушли в прошлое. Сейчас даже американцы ждут от ЕС то «позитивного примера, который он может продемонстрировать постсоветским государствам», как М. Мандельбаум⁴⁹; то привнесения в мир «европейской мечты», которая даст, наконец, альтернативу американской, на что надеется Дж. Рифкин⁵⁰; а порой даже успешного решения проблем и Балкан, и Ближнего Востока, и чуть ли не всего постсоветского пространства (П. Ханна)⁵¹. Как один из самых «проевропейских» политологов России (и автор проевропейской книги, вышедшей в Москве раньше всех указанных исследований⁵²), отмечу, что даже если не разделять чрезмерного оптимизма в отношении ЕС, изменение отношения к нему, безусловно, определяется осознанием большим числом исследователей очевидного факта: функции национальных государств не могут оставаться неизменными в эпоху глобализации⁵³.

С другой стороны, со времени окончания «холодной войны» во всем мире активизируется обсуждение еще одной темы, не менее тесно связанной с политическими аспектами глобализации. Я имею в виду проблематику «глобальной управляемости (global governance)», которая становится все более популярной. Здесь исследователи обращаются к проблемам координации усилий международного сообщества в борьбе с терроризмом и бедностью; оценивают, какие меры экономического или даже силового воздействия можно применить к государствам, угрожающим безопасности соседей или массово нарушающим права человека; обсуждают, что можно сделать с территориями, на которых институты государственной власти по той или иной причине практически полностью отсутствуют. Сама по себе риторика относительно «нового мирового порядка», которая становится все более интенсивной вот уже пятнадцать лет, предполагает озабоченность несоизмерностью политической унификации мира его прогрессирующему эко-

⁴⁷ Schmitter, P. *How to Democratize the European Union... and Why Bother?* – Lanham (Md.); Boulder (Co.); N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. – P. 75.

⁴⁸ См.: Kagan, R. *Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order.* – N. Y.: Alfred A. Knopf, 2003.

⁴⁹ См.: Mandelbaum, M. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century.* – N. Y.: Public Affairs, 2005. – P. 215–216.

⁵⁰ См.: Rifkin, J. *The European Dream. How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream.* – N. Y.: Jeremy P. Tarcher / Penguin, 2004. – P. 6–8, 14.

⁵¹ См.: Khanna, P. *The Second World: Empires and Influence in the New Global Order.* – London: Allen Lane, 2008. – P. 28, 61, 218 – 219 и др.

⁵² См.: Иноземцев, В., Кузнецова, Е. *Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии.* – М.: Интердиалект+, 2002. (See: Inozemtsev, V., Kuznetsova, E. *Return of Europe. Strokes to the portrait of the Old World in new century.* – Moscow: Interdialect+, 2002).

⁵³ См.: Ohmae, K. *The End of the Nation-State. The Rise of Regional Economies.* – N. Y.: The Free Press, 1995; Guéhenno, J.-M. *The End of the Nation-State.* – Minneapolis (Min.); London: Univ. of Minnesota Press, 2000 и др.

номическому и социальному единству. И даже несмотря на то, что после терактов 11 сентября 2001 г. многие исследователи поспешили объявить о «конце глобализации»⁵⁴ и даже попытались сравнить итоги этих трагических событий с влиянием, которое оказала Первая мировая война на «вторую волну» глобализации⁵⁵, проблематика глобальной управляемости становится только более и более популярной. Не исключено, что мы присутствуем при рождении нового крупного нарратива XXI в.

Несмотря на то, что политическая глобализация начинает проявлять себя в тех или иных аспектах, следует заметить, что национальные государства и в нынешних условиях остаются весьма мощными структурами, которые *воплне способны противостоять негативным аспектам глобализации*. Как отмечает Д. Родрик, «глобализация, с одной стороны, подрывает способность национальных государств осуществлять излишнее регулирование и контроль, но, с другой стороны, она делает по-настоящему ценными прочные институты власти»⁵⁶. Автор этой цитаты, несомненно, прав: сегодня, как и раньше, власти национальных государств имеют право устанавливать таможенные пошлины и облагать налогами предприятия и компании (развивающиеся страны, замечу, пользуются этим активнее развитых – средние пошлины на импорт непродовольственных товаров в африканских странах составляют сегодня 45,4 % от их стоимости – против 1,8 % в странах ОЭСР⁵⁷), регулировать трудовые отношения, закреплять производственные стандарты и контролировать предельные уровни загрязнения окружающей среды. И если кто-то рассуждает о том, что «западные фирмы переносят в “страны Юга” самые “грязные” производства», то это происходит в первую очередь потому, что законодательство стран-реципиентов считает это допустимым. И проблема низких заработков или хищнического использования ресурсов – это не следствие злой воли «глобализаторов», а результат коррумпированности местных властей или осознания ими того, что такие последствия суть «справедливая» цена за вхождение в мировое разделение труда.

Ответом стран, с беспокойством относящихся к экономической глобализации, может быть только одно: совершенствование собственного законодательства – налогового, трудового, природоохранного, антимонопольного и т. д. – с тем, чтобы приход иностранных компаний не ударял бы по интересам их граждан. И это может позволить себе любая страна – от Либерии до Европейского Союза. Вопрос заключается лишь в желании ее власти и контролируемости этой власти ее собственным населением.

Более важным (и более непосредственным) проявлением политической глобализации я бы назвал процесс медленного разрушения государственного суверенитета ввиду, с одной стороны, нарастания хаоса и неуправляемости во многих странах, обычно относимых к «четвертому миру» (их иногда называют неуправля-

---

⁵⁴ См., например: Stiglitz, J. The Overselling of Globalization // Weinstein, M. (ed.). Globalization: What's New? – N. Y.: Columbia Univ. Press, 2005. – P. 229–232, а также: Rosenberg, J. Globalization Theory: A Post Mortem // International Politics. – Vol. 42. – 2005. – № 3. – P. 65–67; Saul, J. R. Collapse of Globalism: And the Reinvention of the World. – N. Y.: Overlook Books, 2005. – P. 11–23 и др.

⁵⁵ См., например: Ferguson, N. The War of the World: Twentieth-Century Conflict and the Descent of the West. – London; N. Y.: Penguin, 2006. – P. 779–782.

⁵⁶ Rodrik, D. One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. – Princeton (NJ); Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. – P. 195.

⁵⁷ См.: Rodrik, D. The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work. – Washington (D.C.): Overseas Development Council, 1999. – Table I.3. – P. 11.

емыми хаотическими общностями [«ungovernable chaotic entities»]⁵⁸ или пост-государственными общностями [«post-state societies»]⁵⁹) и утрачивающих способность обеспечивать общественные блага для своих граждан; с другой – распространения доктрины прав человека как значимого элемента международного права. Так, У. Бек отмечает: «В международном праве содержатся правила использования силы, а также проведена грань между справедливой войной и неспровоцированной агрессией. Но сделано это неудовлетворительно, так как не учтено, *имеют ли право на существование сами государства* (курсив мой. – В. И.) или, точнее говоря, удовлетворяют ли они требованиям Всеобщей декларации прав человека... При переходе от национального государства к космополитическому мировому порядку происходит далеко идущее изменение в соотношении приоритетов международного права и прав человека. Принцип “международное право выше прав человека”, действовавший в условиях “первой модернити”, когда доминировали национальные государства, замещается принципом “права человека выше международного права”, которому подчинены глобальные отношения во “второй модернити”⁶⁰. Оба этих обстоятельства существенно изменяют сложившуюся систему международного права. Во-первых, «вестфальская доктрина сдерживания не может функционировать в условиях, когда государства не способны эффективно контролировать свою собственную территорию»⁶¹. Во-вторых, «свобода действий суверенного государства на мировой арене должна быть в ряде важных аспектов ограничена и подвергнута контролю со стороны международного сообщества, так же как и абсолютная власть суверена – будь то монарх или народ – в пределах государства должна ограничиваться, обуславливаться рядом обстоятельств и не переставать быть подотчетной»⁶². Все это порождает практику гуманитарных интервенций, как сегодня принято называть акты вмешательства одних государств в дела других стран или целых регионов, которые не могут быть признаны легитимными (legitimate), но при этом и не противоречат принципу правомочности (legality)⁶³. Результатом становится «ограниченный суверенитет» – реальность,

⁵⁸ См.: Rivero, O. de. *The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*. – London; N. Y.: Zed Books, 2001. – P. 147.

⁵⁹ См.: Reno, W. *Sierra Leone: Warfare in a Post-State Society* // Rotberg, R. I. (ed.) *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. – Washington (D.C.): Brookings Institution Press, 2003. – P. 71 и сл.

⁶⁰ Бек, У. *Космополитическое мировоззрение*. – С. 190.

⁶¹ Ignatieff, M. *The Lesser Evil. Political Ethics in an Age of Terror*. – Princeton (NJ); Oxford: Princeton Univ. Press, 2004. – P. 152.

⁶² Hoffman, S. *Sovereignty and the Ethics of Intervention* / Hoffman, S. (ed.) // *The Ethics and Politics of Humanitarian Intervention*. – Notre Dame (In.): Univ. of Notre Dame Press, 1996. – P. 18.

⁶³ Литература по этой теме сегодня стала очень обширной; укажем лишь, что основные принципы теории гуманитарного вмешательства хорошо изложены в: Tesón, F. R. *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality*. – 3rd ed. – Ardsley (NY): Transnational Publishers, 2005; см. также: Chandler, D. *From Kosovo to Kabul. Human Rights and International Intervention*. – London: Pluto Press, 2002; Chesterman, S. *Just War or Just Peace? Humanitarian Intervention and International Law*. – Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2003; Finnemore, M. *The Purpose of Intervention. Changing Beliefs About the Use of Force*. – Ithaca (NY); London: Cornell Univ. Press, 2003; Jackson, R. H. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990; Haas, R. *Intervention. The Use of Military Force in the Post-Cold War World*. – Washington (D.C.): Brookings Institution Press, 1999; Holzgrefe, J. L., Keohane, R. (eds.) *Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press. – 2003 и др. (Bibliography on this subject became very extensive today; we will only point out that the basic principles of the theory of humanitarian intervention are well described in: Tesón, F. R. *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality*. – 3rd ed. – Ardsley (NY): Transnational Publishers, 2005; см. также: Chandler, D. *From Kosovo to Kabul. Human Rights and International Intervention*. – London: Pluto Press, 2002; Chesterman, S. *Just War or Just Peace? Humanitarian Intervention and International Law*. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2003; Finnemore, M. *The Purpose of Intervention. Changing Beliefs about the Use of Force*. – Ithaca (NY); London: Cornell University Press, 2003; Jackson, R. H. *Quasi-States:*

еще плохо изученная отечественными авторами⁶⁴, но, безусловно, являющаяся продуктом «политической глобализации». Можно (и должно) спорить о том, позитивный или негативный характер носит данная тенденция в развитии международного правового порядка, но вряд ли стоит сомневаться, что она окажется менее объективной и непреодолимой, чем сама глобализация, которая ее порождает.

Кто недоволен глобализацией? Есть ли ей альтернатива?

В последние годы глобализация стала – и это хорошо известно – объектом политических нападков и теоретической критики. Рассмотрим бегло и первые, и вторые.

Те критики глобализации, которые обычно именуют себя «анти- (или «альтер-) глобалистами», в большинстве своем представители левых сил, ассоциирующие процесс глобализации с процессом расширения власти всемирного капитала над планетой и идущего с ним в ногу ужесточения эксплуатации трудящихся. Для такой трактовки есть основания (нарастание глобального неравенства не может не бросаться в глаза), однако ее сторонники, как правило, не учитывают двух обстоятельств. С одной стороны, они редко обращаются к опыту тех стран и народов, которые смогли поставить глобализацию на службу собственным интересам и интересам своих граждан. Известно, например, что большая часть экономических успехов стран Юго-Восточной Азии обусловлена успешной интеграцией государств региона в мировое рыночное хозяйство, и наоборот: вызывающие сострадания этих гуманистов государства Латинской Америки в 70-е гг. сделали все, чтобы остаться за бортом глобальной экономики. С другой стороны, антиглобалисты не учитывают того факта, что в последние тридцать-сорок лет самой тяжелой проблемой развивающихся стран является не их угнетение странами «Севера», а катастрофические масштабы злоупотреблений их собственного руководства. В мире начала XXI в. существуют по меньшей мере 40 государств, где ВВП на душу населения сегодня ниже, чем в 1965 г. Практически все они при этом являются рекордсменами по масштабам коррупции и доле военных расходов в бюджетных тратах; кроме того, ни в одном из них не существует демократических порядков. И перекладывать ответственность за бесконечные бедствия их граждан на «глобализацию» – значит не бороться со злом, а покрывать его.

Кроме того, я не могу не согласиться с Дж. Бхагвати в его утверждении о том, что «антиглобалисты» «зачастую обнаруживают энтузиазм и даже идеализм, но никогда – способность конкретно рассуждать о проблемах, необходимость разрешения которых они декларируют»⁶⁵. Ни одна из работ, вышедших из-под пера представителей этого направления, не содержит реалистических предложений по совершенствованию современного мирового порядка, экономического и политического. В значительной мере это, на мой взгляд, объясняется тем, что идеологически большинство антиглобалистов сформировались в период серьезного кризиса капиталистического хозяйства в 80-е гг., и они не готовы поверить в то, что со-

---

Sovereignty, International Relations and the Third World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Haas, R. Intervention. The Use of Military Force in the Post-Cold War World. – Washington (D.C.): Brookings Institution Press, 1999; Holzgrefe, J. L., Keohane, R. (eds.) Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2003 etc.)

⁶⁴ Среди новаторских работ на эту тему см.: Кузнецова, Е. Суверенитет. Незыблемый и неделимый? // Международная жизнь. – 2004. – № 7–8. – С. 150–167. (Among innovative works on this subject see: Kuznetsova, E. Sovereignty. Firm and indivisible? // International life. – 2004. – No. 7–8. – Pp. 150–167).

⁶⁵ Бхагвати, Дж. В защиту глобализации. – С. 26. (Bhagwati, J. In defense of globalization. – P. 26).

временная глобализация подарила западному обществу выход из многих противоречий того времени, которые они почему-то считали неразрешимыми.

Второй лагерь составляют исследователи, которые не ставят своей целью бороться с глобализацией, но серьезно озабочены ее «неуправляемым характером». С некоторыми из выдвигаемых ими тезисов можно было бы согласиться, если бы в их рассуждениях не прослеживалось два «порочных круга». С одной стороны, сторонники «регулируемой глобализации», как правило, сами не слишком хотят создания каких-либо масштабных «регуляторов» этого процесса; никто из них не выступает за унификацию международного законодательства в экономической сфере, многие весьма скептически относятся к опыту Европейского Союза, а перспектива политического доминирования США в мире вызывает у них резкое отторжение. Никто не предложил пока способа, каким глобализация могла бы «управляться»; максимум, что можно услышать, – это перечень мер по сокращению масштабов спекуляций на финансовых рынках, но, на наш взгляд, никакие тенденции глобализации не будут поколеблены их имплементацией. С другой стороны, основные критики «неуправляемой» глобализации начинают свою карьеру критиканов после того, как многие годы возглавляют институты и агентства (или работают в них), которые могут считаться основными промоутерами этого процесса⁶⁶. Поэтому многие их рассуждения воспринимаются как весьма лукавые.

Характерно также, что большинство альтерглобалистов – выходцы из развитых стран, и там, где глобализация приносит наибольшие результаты (в тех же странах Юго-Восточной Азии, например), число их сторонников минимально. Мы с сожалением вынуждены констатировать, что движение это антипродуктивно и представляет собой отзвук уже обанкротившихся идеологий.

Альтерглобалисты не предлагают альтернативы глобализации; более того, всем своим образом жизни они показывают, что такой альтернативы нет. Нет и не может быть альтернативы свободе передвижения и возможности покупать те товары, которые больше нравятся. Компании не могут не приходить в те страны, где для них создаются более благоприятные условия. Граждане не могут не выступать против примитивных систем социальной защиты, и, глядя на более успешные страны, требовать большего. И, наконец, люди – и сторонники глобализации, и даже ее противники – не могут и не должны безучастно взирать на смерть и насилие, приносимые диктаторами и клептократами их собственным народам, даже если сами эти тираны прикрываются принципами нерушимости государственного суверенитета. Глобализация рубежа тысячелетий – это процесс формирования единого и целостного мира, и никто никакими силами не сможет его остановить.

---

⁶⁶ См., например: Иноземцев, В. Стресс глобализации: благородное возмущение и упрямая реальность (Рецензия на книгу: Stiglitz, J. *Globalization and Its Discontents*. – N. Y.: W. W. Norton & Co., 2002) // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 11. – С. 109–113. (See, for example: Inozemtsev, V. *Stress of globalization: noble indignation and stubborn reality* (Review of the book: Stiglitz, J. *Globalization and Its Discontents*. – N. Y.: W. W. Norton & Co., 2002) // *World Economy and International Relations*. – 2002. – No. 11. – Pp. 109–113).